

Житие святителю Софронию, епископу Иркутскому

Краткое житие святителя Софрония, епископа Иркутского

Святитель Софроний, епископ Иркутский и вся Сибири чудотворец, известный под фамилией Кристалевский, родился в Малороссии, в Черниговском полку в 1704 году. Отец его, Назарий Федоров, был "посполитый человек, бельцем его, Софрония, звали Стефаном", в честь первомученика архидиакона Стефана. У него было два брата и сестра Пелагея. Имя одного брата – Павел, имя другого, старшего, неизвестно, но есть сведения, что он был впоследствии наместником Красногорского Золотоношского монастыря.

Детские годы Стефана проходили в местечке Березань Переяславского уезда Полтавской губернии, где поселилась семья после увольнения отца со службы. С возрастом Стефан поступил в Киевскую духовную академию, где в то время обучались два других будущих святителя – [Иоасаф](#), епископ Белгородский (память 4 сентября и 10 декабря), и Павел, митрополит Тобольский.

Получив духовное образование, Стефан поступил в Красногорский Преображенский монастырь (позднее переименован в Покровский, а с 1789 года преобразован в женский монастырь), где уже подвизался его старший брат. 23 апреля 1730 года он принял постриг с именем Софроний, в честь святителя [Софрония](#), патриарха Иерусалимского (память 11 марта).

В ночь после пострижения в монашество инок Софроний слышал в Покровском храме голос: "Когда будешь епископом, построй храм во имя Всех святых", – предуказавший его будущее служение. Через два года, в 1732 году, его вызвали в Киев, где в Софийском соборе хиротонисали в сан иеродиакона, а потом – иеромонаха. О последующем периоде жизни святителя Софрония в его формуляре говорится следующее: "После посвящения в оном Золотоношском монастыре казначеем был два года, а потом взят по указу Переяславской епархии преосвященного Арсения Берлова в дом его архиерейский, в котором был экономом 8 лет по взятию в Александро-Невский монастырь, от которого во оные годы в 1735 году послан был в Санкт-Петербург за делами его архиерейскими, за которыми в ходатайстве пребыл два года".

Эти данные достаточно конкретно свидетельствуют о связи святителя с родной ему Покровской обителью. Проходя послушание у правящего архиерея в Переяславе, он часто уединялся в своем монастыре, проводя дни в безмолвном созерцании и труде, показывая пример иноческого делания братии.

Во время пребывания иеромонаха Софрония по архиерейским делам в Синоде на него обратили особое внимание. И когда возникла необходимость пополнить братство Александро-Невского монастыря в Санкт-Петербурге, то в числе 29 иноков, вызванных из разных монастырей России, в январе 1742 года был вызван и будущий святитель. Год спустя его назначили казначеем монастыря, а в 1746 году он был утвержден в должности наместника обители, которую исполнял более семи лет.

В помощь себе он вызвал своего земляка, уроженца города Прилуки, иеромонаха Синесия и поставил его строителем Ново-Сергиевой пустыни, приписанной к Александро-Невскому монастырю. С этого времени дружба двух подвижников – иеромонаха Софрония и иеромонаха Синесия – все более крепла в едином пастырском делании, они уже были неразлучны вплоть до своей кончины на Сибирской земле. В эти годы свя-

титель Софроний много трудов положил на благоустройство обители и по улучшению преподавания в находившейся при ней семинарии. Совместно с архиепископом Феодосием он заботился о должном укомплектовании монастырской библиотеки.

При нем была построена двухэтажная церковь: верхняя, во имя святого Феодора Ярославича, старшего брата святого Александра Невского, и нижняя, во имя святого [Иоанна Златоуста](#).

В 1747 году скончался Иркутский епископ Иннокентий II (Нерунович). Шесть лет самая большая по территории Иркутская епархия оставалась без духовного окормления.

Наконец, императрица Елизавета Петровна (1741–1761) указом от 23 февраля 1753 года рекомендовала Святейшему Синоду благочестивого наместника Александро-Невского монастыря Софрония, как "лицо, не только достойное епископского сана, но и вполне могущее оправдать желание и надежды государыни и Синода – подъять бремя епископского служения на далекой окраине и удовлетворить нужды паствы в суровой стране, среди дикой природы и произвола людского".

18 апреля 1753 года, в Неделю о Фоме, в Большом Успенском соборе иеромонах Софроний был посвящен во епископа Иркутского и Нерчинского.

Предвидя трудное служение в отдаленном Сибирском крае, новопоставленный святитель не отправился сразу в Иркутскую епархию, но начал подбирать образованных и духовно опытных сотрудников. В это время святитель Софроний посетил свою первую Красногорскую обитель. Был и у святынь Киева, где испрашивал благословение на свое служение у Киево-Печерских угодников. Неизменным спутником святителя по-прежнему был иеромонах Синесий, ревностно разделявший жизненные трудности своего друга.

В Москве большие услуги святителю оказал архиепископ Московский и Севский [Платон](#), который участвовал в хиротонии иеромонаха Софрония. Он преподал ему отеческие наставления на предстоящий подвиг, так как был хорошо знаком с особенностями сибирского духовного быта, предупреждал о своеволии местных властей и советовал подобрать надежных помощников.

20 марта 1754 года святитель прибыл в Иркутск. Вначале он заехал в Вознесенский монастырь – место жительства своих предшественников, мо-

лился на могиле епископа Иннокентия (Кульчицкого), испрашивая у него благословения на предстоящий подвиг.

Ознакомившись с положением дел в епархии, святитель приступил к преобразованиям в Духовной консистории, монастырях и приходах, обратился в Святейший Синод с просьбой прислать достойных людей для священнослужения в Иркутской епархии.

Ко времени приезда святителя Софрония иркутские обители уже имели почти столетнюю историю. Основатели этих монастырей были исполнены горячим желанием иноческого, подвижнического жития. Проницательный святитель назначал настоятелями монастырей людей благочестивых, мудрых, деятельных, с большим жизненным и духовным опытом. В 1754 году преосвященный Софроний возвёл своего друга и сподвижника иеромонаха Синесия в архимандрита Вознесенского монастыря. Этот достопамятный настоятель послужил монастырю тридцать три года до своей блаженной кончины. В сентябре 1754 года святитель издал указ, в котором отмечалась озабоченность обучением и воспитанием детей духовенства. Указом духовенству вменялось в обязанность обучение своих детей Часослову, Псалтири, пению и букварю, причем уче-

ние "должно было идти со всяким прилежанием и крайним рачением, дабы дети могли пономарскую и дьячковскую обязанность исполнять по достоинствам своим".

Внимательно изучая людей и обстановку, в проповедях и личных беседах святитель неустанно побуждал всех к более высоким нравственным идеалам. Особое внимание он уделял благоговею и правильному совершению богослужения и Таинств священнослужителями, а также следил за нравственной чистотой мирян, заботился о положении женщин в семье, охранял их от несправедливого отношения к ним. Святитель старался повсеместно водворить уставное богослужение, для чего вызывал к себе священников, диаконов, дьячков и пономарей, которые во время архиерейского богослужения участвовали в хоре и иподиаконствовали.

Объезжая епархию, святитель заметил, что не везде уделяется должное внимание церковному благовесту и каждению и потому указами он восстановил правильное каждение и благовест.

Призванный на апостольское служение в этом крае, святитель Софроний сознавал, что, кроме просвещения верующих христиан, ему придется приводить к вере идолопоклонников, которых в Сибири было очень много.

Приводить язычников к Христовой Церкви было трудно, так как порой даже в храмах некому было служить, а заниматься миссионерской деятельностью и подавно. Зная, как архиерейское Богослужение благотворно действует на инородцев, святитель не только сам служил благоговеино, но этого же требовал и от всех клириков.

Святитель Софроний заботился об устройстве быта малых народов и способствовал развитию в местном населении оседлости и культуры, предлагал им для поселения монастырские земли и всячески старался изолировать от влияния язычества. К святителю постоянно приходили и приезжали из далеких мест за благословением многочисленные посетители.

Но среди многих забот он не забывал о своей внутренней, духовной жизни и вечности и вел подвижническую жизнь. Об этом сохранилось свидетельство келейника святителя Софрония, который сообщает, что святитель "пищу употреблял самую простую и в малом количестве, служил весьма часто, большую часть ночи проводил в молитве, спал на полу, овечий ли мех, оленья или медвежья кожа и малая простая подушка – вот и вся его постель для непродолжительного сна".

Его подвижнический дух соответствовал общему подъему христианского духа в России вследствие прославления святителей [Димитрия Ростовского](#) (память 21 сентября), Феодосия Черниговского (память 9 сентября) и особенно по обретении нетленных мощей его предшественника – святителя Иннокентия Иркутского (память 9 февраля). Это событие придало святителю Софронию большие силы и вселило надежду на помощь святителя Иннокентия в его делании по устройству епархии.

До конца своих дней святитель Софроний сохранял любовь к Красногорской Золотоношской обители, которая взлелеяла его в дни юности. Он постоянно способствовал поддержанию в ней благолепия, посылая для этого необходимые средства.

Чувствуя ухудшение здоровья, святитель Софроний подал прошение в Синод об увольнении его на покой. Но с ответом из Петербурга медлили, потому что было трудно сразу подобрать достойного преемника. Последние дни жизни святитель Софроний проводил в молитвенном подвиге.

Свет, который просветился в добрых делах святителя Софрония, продолжает доныне свидетельствовать о славе Отца Небесного, "милостив-

но укрепляющего святых Своя". И теперь не только в Сибири, на месте последних подвигов святителя Софрония, но и на месте его первых подвигов благоговейно хранится о нем святая память.

Вторично память святителя Софрония совершается 30 июня (прославление, 1918).

Полное житие святителя Софрония, епископа Иркутского

После того, как почил в Бозе первый Иркутский святитель Иннокентий (Кульчицкий), восприемником ему оказался другой Иннокентий (Нерунович). Четырнадцать лет управлял он епархией, но в одной из поездок внезапно скончался, и кафедра оказалась вакантной. По ходатайству Тобольского митрополита Антония (Нарожницкого) она была временно упразднена, «дабы там достатку ученых людей не разводились худые попы». Дела епархии вновь перешли в ведение Тобольского митрополита, который сам экзаменовал кандидатов на приходские места. Но через семь лет кафедра была восстановлена, и на нее возшел святитель Софроний (Кристалевский), подвигом любви к пастве своей снискавший у Господа венец угодника Божия. «Делами проповеди и светильником любви согревайте мир человеческий, ибо только от любви любовь воспла-

меняется и собою всякую ревность по Боге приводит», – так наставлял иркутское духовенство и миссионеров святитель Софроний, так жил сам.

Блаженный Софроний (в миру Стефан Кристаллевский) родился 25 декабря 1703 года в местечке Березани Переяславского уезда Полтавской губернии. Воспитанный благочестивыми родителями (отец его был клириком) в духе преданной любви к Богу и Его святой Церкви, он был отдан в Переяславскую духовную семинарию, по окончании которой поступил в Красногорский Покровский монастырь Полтавской епархии. После трех лет послушания он был пострижен в монахи и вскоре же возведен в иерейский чин. Как опытно прошедший все степени послушания и как получивший полное семинарское образование, Софроний был очень скоро поставлен настоятелем этого монастыря и в этом звании прослужил тринадцать лет.

Подвижническая жизнь, строгое благочестие, мудрость в управлении монастырем, образованность Софрония стали известны императрице Елизавете Петровне, и по ее воле он был переведен наместником Александро-Невской Лавры. Здесь он прослужил одиннадцать лет.

Попав из тихого Красногорского монастыря в столичную Лавру, отец Софроний сразу ощутил

разницу в настроении иноков этих обителей. Всегда стремясь к тихим монашеским подвигам, он устроил Троице-Сергиеву пустынь, где и сам душевно отдыхал, и давал возможность проходить послушание тяготившимся шумом столичной жизни инокам Лавры. В жизни самой Лавры отец настоятель старался ввести строгое иноческое житие и сам подавал пример неустанной работы, строгого исполнения церковного устава и в богослужении, и за трапезой. За свою высокую подвижническую жизнь и за то усердие, с которым трудился во славу Божию в столичной Лавре, он приобрел особое положение императрицы, которая и предложила Святейшему Синоду назначить архимандрита Софрония на Иркутскую кафедру с возведением его в сан епископа. Хиротония блаженнейшего Софрония состоялась 18 апреля 1753 года, а к месту служения, в Иркутск, святитель прибыл лишь 20 марта 1754 года.

Сама дорога заняла около четырех месяцев, остальное же время, более полугода, он был занят подбором тех, на кого мог положиться в далекой Сибири. Святитель Софроний, безусловно, знал о тех терниях, которые сопровождали апостольский путь святителя Иннокентия, о состоянии дел в Иркутской епархии и потому готовился в путь особенно тщательно. Выбор ближай-

ших сотрудников оказался для него счастливым, многих из них он назначил настоятелями монастырей. Среди них был и настоятель Вознесенского монастыря схиархимандрит Синесий, прославленный впоследствии земной Церковью как преподобный наш предстатель на небесах.

Сразу по прибытии в Иркутск святитель целиком отдался многотрудному деланию на ниве Христовой, исправляя то, что было упущено за семилетний период закрытия кафедры.

Большой заботой святителя было состояние духовенства епархии, его образовательный, да и нравственный уровень. Некоторые священнослужители не умели даже писать, часть епархиального клира находилась отнюдь не на высоте своего призвания (ко многим применялись даже телесные наказания – сечение розгами). Совсем не в диковину тогда был рапорт заика (благочинного) епархиальным властям о «сечении без милосердия».

Другой проблемой оказалась нужда в священниках. Если на части приходов хоть какие-то клирики были, то другая часть храмов просто пустовала за смертью настоятелей. Тогда-то и дала свои плоды та кропотливая работа, которую вел святитель в столице, подбирая себе будущих сотрудников.

В подборе кандидатов в священники святителю Софронию весьма помогла монгольская школа при Вознесенском монастыре. Святитель Софроний перевел ее из монастырских стен в архиерейский дом, чтобы лично руководить ходом образования и воспитания будущих пастырей, увеличил количество преподаваемых в ней предметов и расширил их объем. Находил он время и для педагогической работы – сам преподавал в школе славянский и русский языки.

Для непосредственного знакомства с духовенством обширной Иркутской епархии святитель «не нуждою, но волею и по Бозе» усердно посещал самые отдаленные от Иркутска города: Нерчинск, Якутск, Киренск. Целые месяцы, не жалея себя, проводил он в пути, часто передвигаясь по сибирским дебрям верхом на лошадях. Конечно, встречи с паствой, никогда прежде не видавшей архиереев, а тем более архиерейской службы, оказывала на нее глубокое воспитательное воздействие. Святитель входил в самое тесное общение со священниками и мирянами, все хотел видеть своими глазами, награждал усердных служителей, смещал негодных.

Семилетнее вдовство Иркутской кафедры отрицательно сказалось и на миссионерской деятельности. Восстанавливая кафедру, святитель со-

ставил и разослал по епархии увещательное послание, предписав закащикам (благочинным) следующее: «Призывать всем священникам идолов (идолопоклонников) к познанию Истинного Бога: принявших Святое Крещение учить вере и правым догматам как возможно кратко, применяясь к деяниям апостольским; желающих крестили бы, начальнейших людей учили бы грамоте и показывали, что есть закон христианский.

Доносили бы о принявших Святое Крещение в светскую команду для дарования льготы от ясака, и в консисторию для сведения, и новокрещеным давали бы от себя билет.

Принявших Крещение увещевать, чтобы к шаманам не ходили, учения их не слушали, идолов не имели и не кланялись им.

Повседневно продолжительных молений не полагали бы, только бы по четвертой заповеди в праздники собирались, а повседневно – поутру и ложась спать, краткими молитвами молились; и молитвы те, аще возможно, перевести на их язык и, главнее всего, молитву пред начатием дела, молитву Господню и Пресвятой Богородице.

Посты с различением брашен не налагались бы, но учили бы при каких ни на есть брашнах всегдашнего воздержания и сказывали бы, что объедение и пьянство – великий грех есть.

Увещали бы, что на всякий год в определенное время, при воздержании от плотоугождения и при искренней (как возможно) исповеди, причащались Пречистых Таин, и чтобы они к таковому великому таинству имели желание, с верою и надеждою оставления своих грехов.

Больных, а наипаче в нечаянии живота, увещевали бы и причащением сподобляли, хотя и без алкания.

О делах милосердия учили бы, чтоб всяк от имени своего подавал всякому брату неимущему.

Смотрели бы, чтобы новокрещенные не держались шаманства, волшебства, чародейства и колдовства, примет счастья, встречи словесных и бессловесных и прочаго суеверия.

По приобщении Святых Таин наказывали бы новокрещеным, дабы жили благоговейно, воздержно, яко христианам прилично.

Проведывали бы, не имеют ли новокрещенные двух жен, и кто имеет таковых, разлучали бы и велели бы жить с единою женою, с которою по-

желает, повенчав их и наказав жить воздержанно и целомудренно.

О препятствующих проповеди среди идоляторов доносить кому следует.

Не желающим Святого Крещения после обращения и увещевания принуждения не чинить и никаких угроз не делать, понеже христианской проповеди надлежит любовь со смирением, кротостию и тихостию, понеже сердце человеческое насильствуемо быть не может».

Мягкое и сердечное послание святителя Софрония оживило состояние миссии. Но положение новокрещенных было тяжелым. Сородичи смотрели на них как на отщепенцев. Поэтому многие из обращенных ко Христу уходили из своих семей и поступали в услужение к русским или жили у восприемников. Но были случаи, когда непривычные условия новой жизни и тоска заставляли их убегать в свои родные улусы. Появились следственные дела «о оказавшихся из новокрещенных в свои улусы побегах». Всевозможные меры, принимавшиеся духовенством к насаждению новокрещенных от языческого влияния, были не всегда эффективны. И использовать здесь силу святитель воспрещал. Так, им было отказано в посылке на Байкал отряда казаков «для сыску беглых новокрещенных, дабы ка-

заки не могли братским обид и разорения произвести».

Благоукрашая Церковь изнутри, что выражалось в неусыпной заботе о пастве и пастырях, святитель много сил и энергии тратил на благоукрашение Церкви извне – строительство новых домов. В Вознесенском монастыре был сооружен каменный соборный храм во имя Вознесения Господня, в который в 1805 году были перенесены мощи святителя Иннокентия, в Знаменском женском монастыре сооружен каменный храм во имя Знамения Божией Матери. В самом городе построены были четыре храма, и при Богоявленском соборе устроен придел во имя Казанской иконы Божией Матери, в котором впоследствии был погребен сам строитель – святитель Софроний. Построен был также каменный архиерейский дом с каменной же вокруг него оградой. Консистория, помещавшаяся в Вознесенском монастыре, была переведена в Иркутск, в новое здание.

Святителем прилагалось всяческое старание к открытию новых приходов, снабжению церквей приличной утварью, ризницей, устройству колокольного звона, лучшей постановке в церквах пения.

Очень любил святитель уставную службу, сам часто служил и всегда заботился о благолепии и торжественности богослужения, располагавших сердца молящихся к умилению, своим примером наставляя духовенство к красоте и возвышенности службы. Этому способствовало и святительское облачение владыки, дотоле богомольцами не виданное. Ему первому из иркутских епископов при хиротонии дарована была привилегия совершать богослужение в саккосе. До этого епископы служили в обыкновенных священнических ризах.

Архипастырские труды владыки сочетались с истинно подвижническим образом его жизни. Питался он скудно, спал на какой-нибудь коже на полу, непрестанно молился и никогда не пропускал монашеское молитвенное правило. До дня своей кончины подвизался он подвигом отца, любящего свою паству. Щедрость святителя Софрония не знала границ. Всего себя отдавал он делу благотворения – не съедал куска, не поделившись с кем-либо. Его жилище и весь Вознесенский монастырь были переполнены больными, бездомными, сиротами. И подлинно, от такой любви воспалялись сердца пасомых: не он искал людей, нуждающихся в православном просвещении, а сами они, без различия племен и

веры, шли к нему тысячами и отдавали свои души и сердца, умножая собою стадо Христово.

30 марта/12 апреля – Преставление

Семнадцать лет горел светильник веры на свечнице Иркутской церкви, освещая пастве путь в Царствие Небесное, но Господу было угодно забрать душу святителя Софрония, дабы его нетленными останками явить миру Свою славу. Земной подвиг святителя закончился 30 марта 1771 года во втором часу пополудни. «Будучи одержим немалое время внутреннею жестокою болезнию», незабвенный святитель скончался.

Первое чудо явлено было по его успении. После кончины, пришедшейся на второй день Святой Пасхи, прикрытый крышкой гроб с телом святителя целых шесть месяцев и десять дней просто-ял поверх пола в устроенном им Казанском приделе Иркутского собора. И лишь 8 октября 1771 года состоялось предание его земле. Все это время тело оставалось нетленным, что вместе с подвигом христианской добродетели, бывшими у всех в памяти, убедило жителей Иркутска в святости почившего иерарха. И вскоре же от гроба святителя начались чудеса и исцеления больных, с верою обращавшихся к нему о молитвенной помощи. Таких чудес, только записанных и про-

веренных, еще до канонизации святителя насчитывалось шестьдесят восемь.

Сколько незримой благодатной помощи подавалось страждущим душой и телом после молитвы на могиле святителя! Гробница его в Иркутском Богоявленском соборе служила пристанищем для скорбящих, неугасимым алтарем для их молитв, возносимых ежедневно. Год от года увеличивалось число молящихся у гроба святителя. К его могиле стали приходить не только жители Иркутска и Забайкалья, но и страждущие и больные со всей Сибири.

Росту почитания святителя способствовали еще и результаты неоднократных освидетельствований его святых мощей, имевших место: в 1833 году, при архиепископе Мелетии (при вскрытии пола в Казанском приделе); в 1854 году, при архиепископе Ниле (также при переделке соборного пола); в 1870 году, при архиепископе Парфении, на этот раз уже особой комиссией (во время капитального ремонта); в 1887 году, при архиепископе Вениамине.

8 марта 1909 года особой комиссией в составе архиепископа Тихона, епископа Иоанна Киренского, викария Иркутской епархии, ректора Иркутской семинарии архимандрита Евгения, миссионера-проповедника протоиерея [Иоанна Вос-](#)

[торгова](#), командированного Синодом, и членов местного кафедрального собора было произведено официальное освидетельствование останков святителя, причем обнаружилось следующее: через сто тридцать восемь лет, несмотря на близость к воде (рядом протекает река Ангара), несмотря на постоянную сырость в пещере и под полами собора, особенно в летнее время, гроб, одеяние и тело святителя Софрония сохранились нетленными. Во время досмотра, продолжавшегося около двух часов, некоторыми из присутствующих ощущалось благоухание от мощей святителя.

19 июня 1909 года состоялось второе официальное освидетельствование мощей комиссией в составе архиепископа Тихона, кафедрального протоиерея Фивейского, ключаря Верномудрова, иеромонаха Прокопия. И вновь все было найдено в том же виде и состоянии, что и при осмотре 1909 года. Результаты досмотра не могли не сделаться достоянием гласности благочестивых почитателей святителя Софрония и еще более воспламенили веру в его святость и надежду на скорое его земное прославление.

Побуждаемые благоговейным почитанием памяти святителя, в Синод с ходатайством о скорейшем прославлении епископа Софрония как угод-

ника Божия обращались иерархи, светские власти, православный верующий народ. В 1909 году в Иркутске состоялся Миссионерский съезд, который своим постановлением выразил усердное желание ходатайствовать о прославлении святителя Софрония перед Святейшим Синодом. В следующем году 19 марта Иркутский архиепископ Тихон (Донебин) обратился в Синод со своим личным ходатайством. В 1914 году архиепископ Иркутский Серафим сделал Синоду подробный доклад о житии и чудесах, исходящих от нетленных мощей святителя Софрония. То же стремление выразило пастырское собрание духовенства Иркутска. Городская дума и городская управа в своем представлении губернатору также просили поддержать ходатайство.

Пожелание скорейшего прославления владыки было выражено 48-м епархиальным съездом духовенства Иркутской епархии. Однако Господь судил благовременным прославление святителя лишь в 1918 году. Но прежде чем произошло это радостное и долгожданное событие, вера почитателей памяти святителя, как золото, подверглась испытанию. Цельбоносные мощи святителя продолжали покоиться в Казанском приделе Иркутского Богоявленского собора до 18 апреля 1917 года. Божиим попущением в этот день от неизвестной причины в храме произошел по-

жар, уничтоживший гробницу и нетленные мощи святителя Софрония. Знаменательно, что это событие совпало со днем хиротонии святителя, бывшем в 1753 году, и с новым праздником будущей безбожной власти – Первомаем (18 апреля по старому стилю), в то время уже достаточно широко и по-своему празднуемым – с пьянками, драками и «красными петухами», как тогда называли пожары. Но горе утраты мощей святителя не только не умалило почитания его памяти, на что надеялся лукавый, наблюдавший со стороны за плодами своей деятельности, наоборот. Верующие чада Церкви объединились в союз православных христиан, имеющий целью ограждать неприкосновенность святынь православия, защищать их от поругания врагами Церкви.

Особая комиссия из духовных лиц, мирян, представителей судебной власти, экспертов-медиков и одного химика освидетельствовала прах и кости святителя, сохранившиеся после пожара, и благоговейно сложила останки в специальный ковчежец. Начался новый период земной славы святителя.

Сразу после пожара во много раз выросло число его почитателей, увеличилось количество панихид, уже перед ковчежцем. По рукам богомольцев и раньше ходили подписные листы с требо-

ванием скорейшего прославления угодника Божия, теперь их количество значительно увеличилось. Выросло число заявлений о новых чудесах и знамениях, совершившихся по молитвенному предстательству святителя, причем многие из тех, кто пережил подобное чудесное явление, свидетельствовали об этом на Иркутском епархиальном съезде перед всеми собравшимися. В адрес съезда поступили обращения из других епархий с поддержкой стремления иркутян к прославлению святителя Софрония. Обращения поступали не только из Сибири, но и из далекой Тверской, Киевской и других епархий. Иркутский епархиальный съезд постановил возбудить ходатайство через высокопреосвященного архиепископа Иоанна и избранных представителей от епархии об ускорении дела о всеобщем прославлении третьего епископа Иркутского и причислении его к лику святых. Это ходатайство перед Святейшим Синодом было возбуждено и передано оттуда в совет Всероссийского Священного Собора. Кроме донесения высокопреосвященного Иоанна Иркутского, Собору были представлены все обращения и заявления с описанием чудес, проверенных специальной комиссией, листы с подписями свыше 18 000 человек, отзывы участников Собора, врачей Клевезаля и Волобуева о некоторых наиболее ярких случаях чудесных исцелений по молитвам святителя на ос-

новании показа данных под присягой. Воздав хвалу дивному во святых Своих Господу Богу, благоволившему явить нового светильника Церкви Российской как новое и великое знамение Своих благодеяний Православной Церкви и народу русскому, и приняв во внимание, что все предварительные акты, требуемые установившимися обычаями Православной Русской Церкви относительно канонизации угодников Божиих, уже исполнены, Собор епископов нашел благовременным осуществить благочестивое желание многочисленных почитателей памяти в Бозе почившего святителя Софрония. Деяниями Собора было определено: совершить прославление святителя Софрония, третьего епископа Иркутского, причислив его к лику святых угодников Божиих, чествуемых Православной Церковью; священные останки святителя, собрав в ковчег, вложить в раку.

30 июня/13 июля – Прославление

Само торжество прославления, сроки которого деяниями Собора было предложено определить Иркутскому архиерею самому, сообразуясь с мнением патриарха и местными условиями, ориентировочно планировалось на 30 июня – таково было мнение преосвященного Иоанна, архиепископа Иркутского и Верхоленского. Вместе

с тем в адрес патриарха и Синода поступила записка от причта Иркутского кафедрального собора с просьбой отложить торжество погребения святителя по крайней мере до 8 октября. Основания приводились действительно веские.

Помимо опасений не уложиться в оставшееся до 30 июня время, серьезными представлялись политические и экономические причины. Страна находилась в состоянии гражданской войны; для богослужений не хватало элементарных вещей: свечей, муки, вина, деревянного масла; не было икон святителя; кроме всего, для организации празднования нужно было получить разрешение у новых властей, а между тем «новая власть в лице комиссаров устройство торжества в ближайшее время находит неудобным». «Наконец, – пишут клирики Иркутска, – в городе в настоящее время крайне напряженная обстановка вследствие движения Белой Армии с Дальнего Востока. Во что это выльется через месяц-другой, сказать трудно».

Против таких доводов трудно было что-либо возразить, и патриарх дал согласие на перенесение срока прославления на более благоприятное время. Но не в силе Бог, а в правде. В минуту разногласий о времени прославления сам святитель Софроний явился архиепископу Иоанну и рек

ему: «Мужайся!», чем вдохновил его пойти на рекорд видимым препятствиям. Торжество состоялось именно 30 июня. Мирное пение славы Господу и угоднику Божию Софронию ничем не было нарушено. Его хранило моление самого святителя пред Престолом Всевышнего.

Тогда же священником Тихоном Солдатовым была составлена служба святителю, а тропарь и кондак по благословению преосвященного Иоанна написал протоиерей Николай Пономарев. Акафист был подготовлен иеромонахом Порфирием и рецензирован коллективом епископов, находившихся в Иркутске «по обстоятельствам времени». Те же «обстоятельства времени» перенесли раку и ковчежец со святыми останками в иркутский храм во имя иконы Владимирской Божией Матери, принадлежавшей обновленцам. С 1937 года, после закрытия этого храма, святыня пребывает под спудом. Ныне имя святителя Софрония, нашего усердного заступника, великого подвижника Церкви, неутомимого труженика, «наставника монахов и собеседника ангелов», чтится всем православным миром.

Святитель Софроний, епископ Иркутский и всея Сибири, преставился к Богу 30 марта 1771 года, на второй день Святой Пасхи. Пока ожидали ре-

шения Святейшего Синода о погребении, шесть месяцев его тело оставалось не преданным земле и за это время не подверглось тлению. Уже тогда, ввиду этого обстоятельства, а также зная строгую подвижническую жизнь святителя Софрония, паства стала почитать его как угодника Божия. Многократно (в 1833, 1854, 1870, 1909 гг.) его мощи свидетельствовались как нетленные и источающие благодатные чудотворения. Случившийся 18 апреля 1917 года пожар в Богоявленском соборе Иркутска оставил только кости святителя, но не умалил, а, наоборот, увеличил благоговейное почитание святителя верующим народом.

Поместный Собор Русской Православной Церкви в определении от 10/23 апреля 1918 года постановил совершить прославление святителя Софрония, причислив его к лику святых угодников Божиих. Само торжество причисления святителя Софрония к лику святых было совершено 30 июня. На второй сессии этого же Собора под председательством святейшего патриарха [Тихона](#) была утверждена служба святителю Софронию с тропарем, составленным управлявшим в то время Иркутской епархией архиепископом Иоанном, чтобы все верующие имели возможность присоединить молитву святому угоднику к

голосу церквей сибирских, высоко чтущих память своего светильника и молитвенника.

И в настоящее время верующие обращаются за помощью к святителю Софронию. Об этом свидетельствуют молитва, составленная в день празднования 40-летия прославления святителя 13 июля 1958 года митрополитом Нестором (Анисимовым), тогда митрополитом Новосибирским и Барнаульским, торжественное празднование в 1971 году 200-летия со дня преставления святителя Софрония в Золотоношской Красногорской женской обители Покрова Божией Матери и в Иркутской епархии ("Журнал Московской Патриархии", 1971, № 9) и благоговейное почитание его памяти всеми верующими Русской Православной Церкви.